

ЗНАК ЧЕТЫРЕХ

Глава I

НАУКА ДЕДУКЦИИ

Шерлок Холмс взял с каминной полки пузырек, открыл изящный сафьяновый несессер и достал из него шприц для подкожных инъекций. Длинными, нервными и очень белыми пальцами насадил на шприц тонкую иглу и закатал левый рукав. Помедлив, задумчиво всмотрелся в свою мускулистую руку, до самого запястья испещренную бесчисленными следами прежних уколов. Потом вонзил острие, вдавил до упора крохотный поршень и со вздохом глубокого удовлетворения откинулся на спинку кресла, обитого бархатом.

Трижды в день на протяжении многих месяцев я был свидетелем этой процедуры, но так и не смог с ней свыкнуться. Напротив, день ото дня это зрелище раздражало меня все больше, а по ночам я терзался угрызениями совести из-за того, что мне не хватало духу протестовать. Снова и снова я давал себе клятву выложить все, что у меня накопело на душе, однако холодный и бесстрастный вид моего компаньона не позволял даже и помыслить, будто в обращении с ним допустима хотя бы малейшая вольность. Я по опыту знал, сколь выдающимися способностями он наделен и каким властным характером обладает, а потому робел и терялся, не решаясь ему перечить.

Однако на этот раз — то ли благодаря выпитому за ленчем бургундскому, то ли в приливе особого раздражения, вызванного крайней невозмутимостью Холмса, я вдруг почувствовал, что терпению моему настал конец.

— Что сегодня, — спросил я, — морфий или кокаин?

Холмс неспешно отвел глаза от раскрытой им старопечатной книги с готическим шрифтом:

— Кокаин. Семипроцентный. Хотите попробовать?

— Ни в коем случае! — резко ответил я. — Я еще не вполне окреп после афганской кампании. И не могу подвергать свой организм излишней нагрузке.

Видя мое возмущение, Холмс усмехнулся:

— Вероятно, Ватсон, вы правы. Допускаю, здоровью это на пользу не идет. Тем не менее я обнаружил: инъекции настолько мощно подстегивают и проясняют умственную деятельность, что побочное их воздействие совершенно несущественно.

— Но подумайте, Холмс, — с горячностью продолжал я, — какой ценой вы за это расплачиваетесь! Может быть, возбужденный мозг и начинает усиленно работать, но процесс этот ненормален и пагубен: он ведет к перерождению нервных тканей — и в итоге к непоправимому слабоумию. Вам ведь известно, какая плачевная реакция потом наступает. Право же, игра не стоит свеч. Годится ли ради минутного удовольствия рисковать утратой мощного ума, которым вы одарены? Помните, что я говорю с вами не только как приятель, но и как медик: я в некоторой мере отвечаю за состояние своего подопечного.

Обиды Холмс не выказал. Наоборот, сложил пальцы домиком и оперся локтями о ручки кресла, как заинтересованный собеседник.

— Мой ум, — произнес он, — бунтует против застоя. Дайте мне задачу, дайте работу, самую головоломную тайнопись, самый запутанный случай — и я буду чувствовать себя как рыба в воде. Тогда и смогу обходиться без искусственных стимуляторов. Но мне невыносима скука рутинного существования. Я жажду умственного подъема. Вот почему я избрал для себя именно такую профессию — или, вернее, создал ее, поскольку в мире я единственный.

— Единственный частный детектив? — поинтересовался я, вскинув брови.

— Единственный частный детектив-консультант, — ответил Холмс. — Я последний и высший апелляционный суд в области расследований. Когда Грегсон, Лестрейд или Этелни Джонс заходят в тупик — а это, между прочим, их нормальное состояние, — дело предлагают рассмотреть мне. Я изучаю данные как эксперт и выношу суждение специалиста. В подобных случаях я не притязаю на славу. Мое имя не упоминается ни в одной газете. Сама работа и удовольствие оттого, что нашлось поле для применения моих способностей, — вот главная моя награда. Но вы уже немного знакомы с моими методами работы по делу Джефферсона Хоупа.

— В самом деле, — подхватил я с воодушевлением. — Я был поражен, как никогда в жизни, и даже описал все это в небольшой брошюре под несколько причудливым названием «Этюд в багровых тонах».

Холмс грустно покачал головой:

— Я просмотрел эту брошюру. Откровенно говоря, не могу вас с ней поздравить. Детективное расследование представляет собой — или должно представлять — точную науку, и описывать его нужно холодно и без эмоций. Вы попытались внести в повествование романтические краски, а это все равно как если бы вы вставили в пятую теорему Евклида историю с любовными страстями и тайными побегам.

— Однако романтическая история там была, — возразил я. — Я не мог вольно обращаться с фактами.

— О некоторых фактах следует умолчать — или, по крайней мере, излагая их, соблюдать разумное чувство меры. В этом деле только одно заслуживало упоминания — занятное аналитическое рассуждение, идущее от последствий к причинам, благодаря которому мне и удалось разрешить загадку.

У меня вызвала досаду критика книги, которую я для того и написал, чтобы сделать приятное Холмсу. Признаюсь также, что меня раздражало его эгоистическое требование посвящать каждую строку моего сочинения исключительно его особому методу. За годы, проведенные на Бейкер-стрит, я не раз замечал, что под хладнокровной наставительной манерой моего компаньона таилась толика тщеславия. Впрочем, я ничего не ответил и продолжал, сидя на месте, поглаживать свою раненую ногу. Некогда ее пробила пуля из джезайла, и, хотя былая рана не мешала прогулкам, при каждой перемене погоды она начинала ныть.

— Недавно моя практика распространилась и на Континент, — сказал Холмс спустя некоторое время, набивая свою старую вересковую трубку. — На прошлой неделе у меня консультировался Франсуа ле Вийяр, который, как вам, вероятно, известно, с недавних пор выдвинулся в первые ряды французской детективной службы. Он обладает свойственной кельгам мгновенной интуицией, но ему недостает точных знаний, а без этого вершин искусства не достичь. Дело касалось завещания — и в определенном смысле представляло интерес. Я обратил его внимание на два сходных случая — в тысяча восемьсот пятьдесят восьмом году в Риге и в тысяча восемьсот семьдесят первом в Сент-Луисе. Это подсказало ему верное решение. Сегодня утром я получил письмо, в котором он выражает благодарность за содействие.

С этими словами Холмс перебрал мне смятый листок бумаги иностранного производства. Я пробежал его взглядом: избыточные выражения восторга были пересыпаны такими словами, как *magnifiques*¹, *coup-de-maitres*² и *tour-de-force*³, — свидетельство пламенной благодарности француза.

— Он обращается, словно ученик к своему наставнику, — заметил я.

— Да, он переоценивает мою помощь, — небрежно бросил Холмс. — Ле Вийяр сам наделен незаурядными способностями. И обладает двумя из трех качеств, необходимых для идеального сыщика. Он умеет наблюдать и владеет искусством дедукции. Ему не хватает знаний, но время это поправит. Сейчас он переводит мои скромные труды на французский.

— Ваши труды?

¹ Великолепные (фр.).

² Мастерские достижения (фр.).

³ Подвиги (фр.).

— А разве вы не знали? — с усмешкой спросил Холмс. — Да, я, грешным делом, написал несколько монографий. Все они касаются узких вопросов. Вот, к примеру, одна под названием «О различиях пепла от разных сортов табака». В ней я перечисляю сто сорок сортов пепла от сигар, папирос и трубок с приложением цветных иллюстраций. Эта тема постоянно всплывает в криминальных расследованиях и порой имеет чрезвычайную важность как ключ к разгадке. Если вы, к примеру, способны с уверенностью заявить, что некое убийство совершено человеком, который курил индийский *лунках*, это явным образом сужает область вашего поиска. Для опытного взгляда между черным пеплом трихинпольского табака и белым пушком «птичьего глаза» разница такая же, как между картофелем и капустой.

— У вас удивительный дар подмечать мельчайшие детали, — вставил я.

— Я придаю им важность. Вот моя монография об изучении следов, с заметками о снятии отпечатков при помощи гипса. А вот еще: небольшое занятное исследование о том, как профессия человека влияет на форму его руки, с приложением линотипических иллюстраций: рúки кровельщиков, матросов, пробочников, наборщиков, ткачей и гранильщиков бриллиантов. Для детектива, обладающего научным складом ума, этот вопрос представляет громадное практическое значение, особенно в делах, связанных с неопознанными трупами, или для выяснения прошлого преступников. Но я утомил вас рассказом о своем хобби.

— Ничуть, — горячо возразил я. — Все это мне очень интересно, особенно с тех пор, как я имел возможность наблюдать практическое применение вашего метода. Но вы только что говорили о наблюдении и дедукции. Наверняка одно в какой-то степени предполагает и другое.

— Да нет, вряд ли, — ответил Холмс, привольно раскинувшись в кресле и выпуская из трубки густые голубые клубы. — К примеру, наблюдение показывает, что нынешним утром вы посетили почту на Уигмор-стрит, а дедукция сообщает, что там вы отправили телеграмму.

— Верно! — воскликнул я. — Справедливо и то и другое. Но должен признаться, не понимаю, как вы об этом догадались. Сходить туда я решил неожиданно и никому об этом не говорил.

— Проще некуда, — отозвался Холмс, хмыкнув при виде моего удивления. — Все до нелепости ясно, и объяснение было бы

излишним; впрочем, этот пример поможет провести границу между наблюдением и дедукцией. Наблюдение говорит, что на подошве ваших ботинок имеется красноватая глина. Как раз напротив почтовой конторы на Уигмор-стрит раскопали мостовую, выбросили наружу глину, и, если вы хотите попасть в контору, ее не миновать. Она имеет особый красноватый оттенок, который, насколько мне известно, по соседству нигде не встречается. Вот все, что касается наблюдения. Прочее — область дедукции.

— Но как с помощью дедукции вы узнали о телеграмме?

— Прежде всего, я знал, что писем вы не писали, поскольку все утро просидел напротив вас. Заметил также в открытом ящике вашего письменного стола несколько марок и пачку открыток. Стало быть, для чего вам отправляться на почту, как не для того, чтобы послать телеграмму? Устраните все прочие факторы, и то, что остается, должно быть истиной.

— В данном случае это действительно так, — ответил я, немного подумав. — Вы правы, дело более чем очевидно. Не сочтете ли вы меня назойливым, если я подвергну ваши теории более серьезному испытанию?

— Напротив, — ответил Холмс, — ваше предложение избавит меня от повторной дозы кокаина. Я с удовольствием рассмотрю любую задачу, которую вы мне предложите.

— Вы как-то заметили: редко бывает так, чтобы человек, который ежедневно пользуется каким-то предметом, не оставил на нем отпечаток своей личности — отпечаток настолько явный, что опытный наблюдатель сумеет извлечь из него выводы. Вот часы, которые недавно перешли в мою собственность. Не будете ли вы так добры высказать свое мнение о характере и привычках их прошлого обладателя?

Я передал Холмсу часы, внутренне посмеиваясь, поскольку мне казалось, что это испытание обречено на провал; я надеялся также проучить своего компаньона за назидательный тон, который он иногда себе позволял. Холмс взвесил часы на руке, пристально взгляделся в циферблат, открыл заднюю крышку, исследовал механизм сначала простым глазом, а затем с помощью сильной лупы. Я с трудом сдерживал улыбку, глядя на его удрученное лицо, когда он в конце концов захлопнул заднюю крышку часов и вернул их мне.

— Извлечь отсюда можно немного. Часы недавно побывали у мастера в чистке, так что самых существенных деталей я лишен.

— Вы правы, — ответил я. — Прежде чем часы прислали мне, они побывали в чистке.

Втайне я обвинил Холмса в том, что он выставил самое неуклюжее и беспомощное оправдание своего провала. Что могли бы подсказать ему часы, не побывавшие в чистке?

— При всей скудости мои наблюдения все же оказались совсем бесплодными, — заметил Холмс, глядя в потолок задумчиво-тусклыми глазами. — Поправьте меня, если я ошибаюсь, но я полагаю, что часы принадлежали вашему старшему брату, который унаследовал их от вашего отца.

— Вы, вне сомнения, определили это по инициалам «Г. В.» на задней крышке.

— Совершенно верно. Буква «В» обозначает вашу фамилию. Часам около полувека, инициалы выгравированы примерно тогда же — то есть заказчик принадлежал к поколению наших отцов. Драгоценности обычно переходят к старшему сыну, и, по всей вероятности, он носит то же имя, что и отец. Ваш отец, если я правильно помню, давно умер. Следовательно, часы перешли к вашему старшему брату.

— Да, пока все так, — подтвердил я. — Что-нибудь еще?

— Ваш брат был неряшлив, распущен и легкомыслен. Перспективы перед ним открывались неплохие, однако он упустил

все шансы, жил в бедности, хотя изредка и преуспевал, наконец пристрастился к спиртному и умер. Вот все, что я мог выяснить.

Я вскочил с кресла и, прихрамывая, прошелся по комнате в крайнем расстройстве.

— Это недостойно вас, Холмс! Не могу поверить, что вы опустились до такого. Вы навели справки об истории моего несчастного брата и притворились, будто добыли эти сведения столь фантастическим образом. Я что, должен верить, будто вы узнали обо всем этом, взглянув на его старые часы? Это жестоко с вашей стороны и, говоря откровенно, отдает шарлатанством.

— Дорогой доктор, — мягко отозвался Холмс, — прошу вас, примите мои извинения. Я рассматривал задачу абстрактно и совершенно забыл, как болезненны для вас эти воспоминания. Поверьте, я даже не подозревал о существовании вашего брата, пока вы не вручили мне эти часы.

— Тогда, бога ради, как вы обо всем узнали? Ваш рассказ точен до малейшей подробности.

— Мне попросту повезло. Признаться, я всего лишь взвесил вероятности. И вовсе не ожидал столь точного попадания.

— Так, значит, это не догадки?

— Нет-нет, гаданием я не занимаюсь. Отвратительная привычка, она губит логические способности. Вам все это представляется странным только потому, что вы не следите за ходом моей мысли и не замечаете мелких фактов, которые могут служить основой для далеко идущих выводов. Я начал с того, что ваш брат отличался небрежностью. Если вы приглядитесь к нижней части корпуса часов, то увидите, что он не только помят в двух местах, но и весь в царапинах. Это случается, если хозяин имеет привычку носить в том же кармане другие твердые предметы, вроде монет и ключей. Не требуется особой проницательности, чтобы предположить, что человеку, который столь небрежно обращается с часами стоимостью в пятьдесят гиней, наверняка свойственна беспечность. Не слишком натянутым будет и предположение, что человек, который унаследовал столь ценную вещь, имеет достаточное средств для жизни.

Я кивнул в знак того, что следую за ходом рассуждений Холмса.

— Среди владельцев ломбардов в Англии распространена такая привычка: если они берут часы в заклад, то острием иглы царапают номер билета на внутренней стороне крышки. Это удобнее, чем наклейка, поскольку нет риска, что номер потеряется.

С помощью лупы я увидел на внутренней стороне не менее четырех таких номеров. Вывод: ваш брат частенько бывал на мели. Следующий вывод: он знал и благополучные времена, а иначе не мог бы выкупать заклад. Наконец, прошу вас взглянуть на внутреннюю крышку, где имеется отверстие для завода. Приглядитесь ко множеству царапин вокруг этого отверстия: они означают, что ключ соскальзывал. Мог ли трезвый человек проделать такие борозды? А вот у пьяницы часы всегда исцарапаны. Он заводит часы по вечерам и оставляет эти следы неверной рукой. Ну как, есть ли во всем этом что-нибудь таинственное?

— Все это ясно как белый день, — ответил я. — Сожалею, что несправедливо о вас судил. Мне нужно больше доверять вашим удивительным способностям. Скажите, а заняты ли вы сейчас каким-либо профессиональным расследованием?

— Не занят никаким. Отсюда и кокаин. Я не могу жить без умственной работы. Для чего же еще жить? Встаньте у окна. Что за нудный, унылый, бесполезный мир! Взгляните — желтый туман клубится по улице и окутывает бурые дома. Нет ничего более безнадежно прозаического и материального. К чему таланты, доктор, если негде их применить? Преступление банально, существование банально, и нет на свете ничего, кроме банальностей.

Я открыл рот, чтобы возразить на эту тираду, но тут раздался отрывистый стук в дверь. Вошла наша квартирная хозяйка с медным подносом, на котором лежала визитная карточка.

— Вас желает видеть молодая леди, сэр, — обратилась она к моему компаньону.

— Мисс Мэри Морстен, — прочитал Холмс. — Хм! Не припомню такого имени. Попросите юную леди войти, миссис Хадсон. Не уходите, доктор. Я бы предпочел, чтобы вы остались.

Глава II ИЗЛОЖЕНИЕ ДЕЛА

Мисс Морстен вошла в комнату уверенной походкой, сохраняя внешнее спокойствие. Это была светловолосая девушка небольшого роста, изящная, в безупречных перчатках, одетая с изысканным вкусом. Впрочем, ее костюм отличался простотой и скромностью, наводившими на мысль об ограниченных средствах. На ней было серовато-бежевое платье из простой шерсти, лишенное всякой отделки; шляпку без полей такого же тусклого оттенка, что и платье, оживляло только крохотное белое перышко, приделанное сбоку. Черты ее были не слишком правильными, кожа — не самой гладкой, но лицо выражало доброту и приязнь, а большие голубые глаза казались на редкость одухотворенными и исполненными дружелюбия. Я повидал женщин многих национальностей на трех континентах, однако ни разу не встречал лица, которое столь явно свидетельствовало бы о тонкой и отзывчивой натуре. Я не мог не заметить, что, когда она села на стул, предложенный ей Шерлоком Холмсом, и губы и руки ее дрожали, что выдавало сильнейшее внутреннее волнение.

— Я пришла к вам, мистер Холмс, — начала она, — потому что однажды вы помогли моей нанимательнице, миссис Сесил Форрестер, разрешить одно домашнее затруднение. Она не может забыть вашу доброту и ваше искусство.

— Миссис Сесил Форрестер... — задумчиво протянул Холмс. — Кажется, я когда-то оказал ей не слишком значительную услугу. Дело, насколько мне помнится, было крайне простым.

— Она так не считает. Во всяком случае, мое дело простым вы не назовете. Трудно даже вообразить ситуацию более странную и необъяснимую, чем та, в которой я очутилась.

Rich. Gutschmidt.
Wien

Brendsmour, Simhart & Co

Холмс потер руки, и глаза его заблестели. Он подался в своем кресле вперед, и его четкие ястребиные черты выразили предельную сосредоточенность.

— Излагайте, — предложил он властным, деловым тоном.

Я почувствовал неловкость и, сказав: «Уверен, вы меня извините», поднялся с кресла.

К моему удивлению, девушка протянула руку в перчатке со словами:

— Если ваш друг будет так добр задержаться, он сослужит мне неоценимую службу.

Я вернулся в кресло.

— Вкратце, — продолжала девушка, — факты таковы. Мой отец служил офицером в индийском полку и отослал меня на родину, когда я была еще ребенком. Мать умерла, и родственников в Англии у меня не было. Впрочем, меня поместили в хороший пансион в Эдинбурге, где я оставалась, пока мне не исполнилось семнадцать лет. В семьдесят восьмом году отец, тогда старший капитан полка, получил годовой отпуск и вернулся домой. Он телеграфировал из Лондона о благополучном прибытии и велел мне немедленно приехать, указав своим адресом отель «Лангэм». Помню, слова его телеграммы дышали добротой и любовью. По прибытии в Лондон я направилась в «Лэнгем», и мне сообщили, что капитан Морстен числится их постояльцем, однако накануне вечером он ушел и до сих пор не вернулся. Я прождала весь день, не получив о нем никаких известий. Вечером по совету управляющего отелем я связалась с полицией, и наутро мы поместили объявление во всех газетах. Ответа мы не получили, и до нынешнего дня о моем несчастном отце ничего не известно. Он вернулся домой с сердцем, полным надежд, чтобы обрести покой и отдых, а вместо этого...

Девушка поднесла руку к горлу, и ее фразу оборвало глухое рыдание.

— Дата? — спросил Холмс, открывая записную книжку.

— Мой отец исчез третьего декабря тысяча восемьсот семьдесят восьмого года, почти десять лет тому назад.

— Его багаж?

— Остался в отеле. Среди вещей не нашлось ничего, что дало бы подсказку, где искать отца: одежда, книги, да еще немало экзотических диковинок с Андаманских островов. Отец служил офицером в части, которая несла охрану тюрьмы.

— У него были друзья в городе?

— Нам известен только один. Майор Шолто, который служил в том же Тридцать четвертом Бомбейском пехотном полку. Майор некоторое время назад вышел в отставку и жил в Аппер-Норвуде. Конечно же, мы с ним связались, но он даже не знал, что его однополчанин был в Лондоне.

— Удивительный случай, — заметил Холмс.

— Я еще не дошла до самого удивительного. Лет шесть тому назад, а точнее, четвертого мая тысяча восемьсот восемьдесят второго года в «Таймс» появилось объявление, где запрашивали адрес мисс Мэри Морстен и заявляли, что ответить — в ее интересах. Ни имени, ни адреса не прилагалось. В то время я только что поселилась в семействе миссис Сесил Форрестер в качестве гувернантки. По ее совету я поместила в газетной колонке для объявлений свой адрес. В тот же день мне пришла по почте небольшая картонная коробка, в которой я обнаружила очень крупную яркую жемчужину. Никакой записки не прилагалось. С тех пор каждый год именно в этот день неизменно появляется похожая коробка с такой же жемчужиной — и никакого указания на отправителя. Знатоки сочли жемчужины редкими и весьма ценными. Вы можете убедиться, что они действительно очень красивы.

С этими словами мисс Морстен открыла плоскую коробочку и показала мне шесть чудеснейших жемчужин, каких прежде я в жизни не видел.

— Ваш рассказ чрезвычайно интересен, — произнес Шерлок Холмс. — С вами еще что-нибудь произошло?

— Да, не далее как сегодня, поэтому я и обратилась к вам. Утром я получила вот это письмо и прошу вас его прочитать.

— Благодарю вас, — сказал Холмс. — Передайте, пожалуйста, и конверт. Почтовый штемпель: Лондон, Юго-Запад, дата — седьмое сентября. Гм! Отпечаток большого пальца на уголке — вероятно, почтальона. Бумага высшего качества. Конверт — шесть пенсов за пачку. Отправитель разборчив в выборе канцелярских принадлежностей. Адрес отсутствует. «Будьте сегодня в семь часов вечера у третьей колонны слева возле театра „Лицеум“. Если вы мне не доверяете, приведите с собой двух друзей. С вами обошлись несправедливо, это необходимо исправить. Полицию не привлекайте. Если позовете, все пойдет прахом. Ваш неизвестный друг». Что ж, действительно превосходная загадка. Как вы намерены поступить, мисс Морстен?

СОДЕРЖАНИЕ

ЗНАК ЧЕТЫРЕХ

Перевод С. Сухарева

Глава I. Наука дедукции	7
Глава II. Изложение дела	16
Глава III. В поисках решения	23
Глава IV. Рассказ лысого человечка	28
Глава V. Трагедия в Пондишерри-Лодж	38
Глава VI. Шерлок Холмс демонстрирует свой метод	46
Глава VII. Эпизод с бочкой	55
Глава VIII. Ополчение с Бейкер-стрит	67
Глава IX. Разрыв цепи	77
Глава X. Конец островитянина	87
Глава XI. Сокровища Агры	97
Глава XII. Удивительная история Джонатана Смолла	104

ВОЗВРАЩЕНИЕ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Приключение I. Пустой дом. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	133
Приключение II. Подрядчик из Норвуда. <i>Перевод Л. Бриловой</i> ...	159
Приключение III. Пляшущие человечки. <i>Перевод Л. Бриловой</i> ...	186
Приключение IV. Одинокая велосипедистка. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	214
Приключение V. Приоратская школа. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	237
Приключение VI. Черный Питер. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	273
Приключение VII. Чарльз Огастес Милвертон. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	298
Приключение VIII. Шесть Наполеонов. <i>Перевод С. Сухарева</i>	319

СОДЕРЖАНИЕ

Приключение IX. Три студента. <i>Перевод С. Сухарева</i>	345
Приключение X. Пенсне в золотой оправе. <i>Перевод С. Сухарева</i> ...	367
Приключение XI. Пропавший регбист. <i>Перевод С. Сухарева</i>	395
Приключение XII. Эбби-Грейндж. <i>Перевод С. Сухарева</i>	421
Приключение XIII. Второе пятно. <i>Перевод С. Сухарева</i>	449

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I. Две пьесы о Шерлоке Холмсе	
Дело Стоунор. Приключение мистера Шерлока Холмса	
<i>Перевод Л. Бриловой</i>	483
Бриллиант Короны. Вечер с Шерлоком Холмсом	
<i>Перевод С. Сухарева</i>	555
ПРИЛОЖЕНИЕ II. Шерлок Холмс на покое	
Последнее известие о Шерлоке Холмсе. <i>Перевод С. Сухарева</i>	568
Артур Конан Дойль. Из книги «Странствия спиритуалиста»	
<i>Перевод С. Сухарева</i>	570
ПРИЛОЖЕНИЕ III. Морфология Холмса. <i>Перевод С. Сухарева</i>	
Р. А. Нокс. Обзор литературы о Шерлоке Холмсе	573
Артур Конан Дойль. Письмо Рональду Ноксу	591
ПРИМЕЧАНИЯ. <i>М. Назаренко</i>	593
Пересчет мер и весов	666